

O d p i s y .

100
Niniejszem zaświadczam, że byłem w więzieniu w Lukiszkach w Wilnie między 30 / IV a 12 / 5 i widziałem na własne oczy jak bito wszystkich więźniów, wyprowadzanych na spacer : St. Romualda, Kiernowicza, Wysockiego w szczególności ostatniego bito nahajką po twarzy . Nezastrz zrana żołnierz stojący na warcie na dziedzińcu zabił więźnia przez okno tylko dlatego, że stał w oknie i patrzył na dziedziniec.

Smoleńsk 22 / XI 1919 roku. /-/ nieczytelny.

Niniejszym poświadczam, że w pierwszych dniach listopada w Smiłowiczach pod Mińskiem zostali aresztowani : Marja Lewinówna, Nadzia Sorelik, przypadkowo w tych dniach Sosnowicz i Kondratowicz były aresztowane i podczas aresztu bezczelnie znęcała się nad nimi żandarmerja, zdzierła ubranie, biła po twarzy aresztowanych . Niniejszym potwierdzam własnoręcznym podpisem /-/ A. Guzewicz.

zgodne z oryginałem :

ВИЛЕНСКАЯ ЛУКИШСКАЯ ТЮРЬМА.

В тюрьме на Лукишках заключено несколько сотен политических арестованных. Большинство из них сидят в тюрьме по 6-7 месяцев без всякого разбора дела и допроса. По крайней мере 50% арестованных томится в тюрьме совершенно невиновно - это люди случайно арестованные, или по ложному доносу, или по подозрению, в первое время вступления польских войск в Вильно. Часть политических помещается в отдельном корпусе тюрьмы, отдельно от уголовных преступников, эта часть находится в сравнительно сносных условиях. Но многие политические сидят в так называемом П-м корпусе совместно с уголовными; они совершенно насолдрованы от остальных политических. Участь этих узников безотраднейшая. Мало того, что над ними издеваются уголовные, всякий тюремный надзиратель считает своим долгом проявить по отношению к ним свою власть, проявление которой выражается в безпрерывными руганями и что нередко случается, избиваниями. Кроме того по П-м корпусу значительно хуже гигиенические условия. Камеры грязные, сырые и холодные.

5/ХП - 1919 г.

В. П И Л А Р Ь.

5 К1

99

Вильне из показаний арестованных по подозрению в коммунизме
в Вильне "меня пытали в вилненской тюрьме ужаснейшим образом
нет места на теле свободного от избивений, легкия отбиты. в моем
присутствии пытали Паляра Карновича и других" Абрамов.

Нашихъ товарищей ужасно мучают в тюрьме .Случайно арестован
ного О.Арш.тоже очень били. " Михайлов.

Бобруйск " По подозрению в большевизме .... к ним применяют
ужасные пытки ... Фишман просил прислать ему яду ... невоз
можно выдержать " Пятаков.

Бобруйск СЛУЦК . "В тюрьме невязают заподозренных в коммунизме .
недавно одного били до такой степени что через два дня умер
Стякусу выбили глаза и затем его повесили. Дают меньше всего
25 палок:" Ковальский

СМИЛОВИЧИ . "Соевский и Кондратович арестованные на цесто
яномъ дворе Смилоничах били жестоко избиты и привезены. гово
рят в кандалах. в мижскую жандармерию. После них была аресто
вана и избита Горелки." Кружовская

МИНСК "Арестованные сотрудники Центрального Рабочего Коме
ратива Либки. Тахилевич и Зискович ужасно пытались. Тахилевичу
выбили гвозди в пальцы и ужасно невязали. " Фальк

43

48

101

В Вильне 1-го мая е.г. я был арестован комиссаром одного из полицейских участков. Из участкового комиссариата меня препроводили в жандармерию. После так называемого допроса /допрос состоял только в том, что меня спросили имя, фамилию и какую должность я занимал при советской власти на Литве/ меня направили в Лукншескую тюрьму. В жандармерии при допросе со мной обращались довольно корректно, но на моих же глазах избивали многих арестованных политических, фамилии которых мне установить не удалось. Избивали жандармы шомполами, прикладами, а тех которые свалились на пол, ногами.

В Лукншеской тюрьме меня посадили в одиночку. Со второго дня в мою камеру начали являться какие-то жандармы, просто-военные - офицеры, и солдаты, и даже штатская публика. Визитеры врываются в камеру, надеваются надо мной словами, а я зачастую безо всяких предисловий вижу по лицу и куда пошло. Все это происходило в присутствии моего прямого начальства - тюремного сторожа. Когда я протестовал перед начальником тюрьмы г. Коостерским официальным представителем жандармерии /кажется Янковским/ и перед прокурором Юдзевичем, на это или не обращалось внимания, или в свою очередь издевались.

13-го мая е.г. на тюремном дворе проходило поголовное избивание политических во время прогулки. В этот день меня вызвали гулять совместно с некоторыми политическими - коммунистами. Едва только успели мы выйти на тюремный двор и начать гулять, как явился начальник караула охраняющего тюрьму, какой-то унтер-офицер с нагайкой и принялся по очереди избивать нас, заставляя в то же время гулять вокруг двора. Избивание продолжалось 20-30 минут на глазах некоторых лиц из тюремной администрации /канцелярский чиновник Скочек, помощник начальника тюрьмы Куляженский/ старший надзиратель Лопатинский/. Все мы были до того избиты, что несколько дней пролежали больными. Некоторые из нас /Высоцкий/ ходили несколько недель с обезображенными ранами лицами. Об этом факте мы доводили до сведения шефа жандармерии в Вильне, но последний не считал нужным расследовать это дело.

Избивание в камерах политических арестованных при вступлении польских войск в Вильню, продолжалось приблизительно до июня месяца /были случаи, когда жандармские унтер-офицеры выбивали зубы - случай с Хорвацким/ посещения камер лицами не имевшими ничего общего ни с судебными ни с следственными властями, зачастую притоки лиц хорошо знакомых г.г. начальнику тюрьмы, его помощнику, прокурору или кому-нибудь из канцелярских писцов, продолжалось до начала августа, т.е. до того момента, пока не сменили начальника тюрьмы.

В последние месяцы нас, арестованных при вступлении польских войск в Вильню, их избивали не только, но за то бывали неоднократно случаи, что над вновь арестованными политическими проводили - вались контр-разведкой, секцией обороны, эксперименты достойные времен инквизиции. - Так в первых числах ноября месяца по отношению к политическому арестованному Казимиру Наукокайтису применялись пытки зато, что он отказался давать исчерпывающие показания - у него была отобрана постель, матрац, белье, естественные продукты и его камере велено было не стиливать, стояли морозы в 20 градусов/, подавание запрещено было приносить из дому, /на одной тюремной кухне прожить было не возможно./

Несколько дней перед отъездом из Вильны 28-го ноября е.г. имел место следующий возмутительный случай. С разрешения тюремной администрации я в сопровождении тюремного надзирателя был отпущен в город к дантисту лечить зубы. На обратном пути от дантиста в тюрьму, я зашел домой, где пробыл около часа. Возвращаясь в тюрьму я совместно с надзирателем был задержан агентом секции обороны и отведен в дом № 19 по Георгиевской ул., где находилась секция обороны. Здесь во время личного обыска поручик Новаковский, зная кто я такой ударил меня в лицо. В секции обороны я просидел более суток, не получая никакой пищи. Сидевшие со мной арестованные рассказывали, что они уже четыре дня ничего с естественного не получали. Во время допроса допрашивающие офицера Краковский, Новаковский и другие площадно меня ругали и всяческим образом издевались надо мной. Наконец я должен отметить что вынося меня из Вильны в Микашевичи Шеф секции обороны поручик Краковский не указал мне куда я еду, правда из его иронических намеков и грубых насмешек, которыми он меня напугивал можно было догадаться, что меня везут для обмена, о том, что я зачислен в Миссию Рое. Об-ва Красного Креста, я узнал только от Полномочного Представителя Р.О.К.К. Мархлевского. О моем отъезде из Вильны меня известили в 12½ ночи 29-го ноября, а вывели в 7½ часа утра 29-го е.м., так, что мне не только не предоставили возможности взять с собой вещи из дому, и попрощать-

PILSUDSKI INSTITUTE ARCHIVES New York

PILSUDSKI INSTITUTE ARCHIVES New York

49

52

102

ся с родителями, но даже я не смог забрать всех вещей, находившихся в тюрьме на хранение. Высылая меня в Микашевичи Польские властные позаботились о том, чтобы обезнечить меня пищей на дорогу, и приоделись в продолжении трех суток питаться тем, что давали мне измилости конвоирующие меня солдаты.

В тюрьме из уст очевидца я узнал, при каких обстоятельствах был расстрелян в арестном доме на Липовках член Литовско-Белорусского Советского Правительства Берсон. На Липовки явился какой-то ксендз для спроса арестованных. Подошедши к Берсону ксендз спросил, почему он служил у большевиков, заставили ли нужда его служить. Берсон ответил, что он идейный коммунист. Тогда ксендз удалился из камеры, а через несколько минут появились солдаты с офицером и повели Берсона и еще человека четыре из арестованных на тюремный двор, где их расстреляли на глазах смотревших в окна остальных заключенных.

4 декабря 1919 г. Микашевичи.

Р. П и л я р .

PILSUDSKI
INSTITUTE
ARCHIVES
New York

PILSUDSKI
INSTITUTE
ARCHIVES
New York

50

50

53